

КОНЦЕПТ «СУДЬБА» В МЕЖЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

А.З.Хабибуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт
филологии и искусств, Казань, Россия

Summary: The article deals with the fate concept in broad interliterary context. General literary and philosophical works dedicated to the analysis of the fate perception and formed in the Russian, West-european and Eastern (Arabo-muslim) cultures, are under study in the article. The factual basis of the article comprises the literary works of M.Y.Lermontov and Tatar poets of the beginning of the 20 century.

Key words: fate concept; Eastern perception; cosmology; artistic thinking.

Изучение концепта судьбы в поэзии М. Ю.Лермонтова и восточных литературах – тема малоизученная в отечественном литературоведении. Вместе с тем выяснение того, как мышление русского поэта соотносится с Востоком, насколько оно близко восточному мировосприятию является достаточно новым подходом в исследовании творчества М. Ю.Лермонтова.

Необходимо отметить, что рассмотрение восточного элемента в мышлении русского поэта велось в литературоведение в первую очередь в аспекте связи поэта с Востоком, а также изучения восточных образов и мотивов в его творчестве. Именно данный аспект исследования стал определяющим в целом ряде специальных научных работ. Так, в «Лермонтовской энциклопедии» особое внимание с этой точки зрения привлекает словарная статья, посвященная главным «восточным» мотивам творчества Лермонтова, среди которых *мотив судьбы, рока* определяется как основной. Р.А. Гальцева – автор словарной работы – пишет в этой связи следующее: «Судьба – признанная сила в мире лермонтовских героев и важнейший фактор мироощущения поэтов. <...> Судьба у Лермонтова, фигурирующая также под именем «рока», «жребия», «фатума», «закона», по своей сути недоброжелательна к человеку. <...> По Лермонтову, существует

нерасторжимая связь между незаурядной личностью и трагической участью. Герой принимает вызов судьбы или бросает ей вызов («по судьбу я и мир презираю»), после чего завязывается борьба не на жизнь, а на смерть» [2, с. 311]. Представление о космологии Лермонтова, его взглядов на судьбу раскрывается также в работах М. Степанова «Религия русских писателей (Религия М.Ю.Лермонтова)» [9, с.158-186], А. Е.Коновалова «Тема рока у Лермонтова» [3, с 16-25], П. Уляшева «Загадка гения» [10], Е. В. Красиковой «Концепт «судьба» в космологии М. Ю. Лермонтова» [4].

Исследованию мотива судьбы посвящена статья А. Е. Коновалова «Тема рока у Лермонтова», в которой, наряду с темой судьбы и рока в восточных поэмах Лермонтова, исследуется мотив проклятия, приобретающий в его творчестве непреодолимый характер [3, с. 16-25].

Интересный взгляд на данную проблему находим в известной работе Ю. Лотмана «Фаталист» и проблема Востока и Запада в творчестве Лермонтова». Ю. Лотман, опираясь на известные «восточные» произведения Лермонтова («Три пальмы», «Ашик-Кериб», главы «Фаталист» и «Бэла»), обнаруживает в их содержании проявление восточной и западной психологии героев. На примере данных произведений он обосновывает проблему типологии культур у Лермонтова, при этом определяющей чертой «философии Востока» для Лермонтова становится именно фатализм. По мнению Лотмана, «два полюса романтического сознания – гипертрофированная личность и столь же гипертрофированная безличность – распределяются между Западом и Востоком» [6, с. 222].

Таким образом, главные концепции, посвященные проблеме Востока в творчестве Лермонтова, а также особенностям его религиозного сознания указывают на доминирование в его художественном творчестве ведущего концепта – концепта судьбы.

В исследовательской литературе сложились самые разные взгляды на судьбу. Так, считается, что этимология слова «судьба» в индоевропейских языках тесно связывает это слово с лексемой «смерть», а также со словом,

истолкованием [12, с.116-121]. Данный семантический аспект объединяет слово «судьба» с латинским словом *fatum*, которое надежно фиксирует переход от значения «говорить» к значению «рок», «судьба». Это слово – *fatum* – по форме связано с субстантивированным *for, far* («говорить»), от которых в свою очередь произошло слово «фабула» – вымысел, предание, рассказ [12, с. 119]. Этимология же слова «рок» связана с реку/речь, с глаголами говорения. Однако «существует мнение, что значение судьбы в данном случае происходит не непосредственно от «говорить», но от значения «срок», т.е. «назначенное судьбой время» [12, с. 120].

Н. Д. Арутюнова в работе «Истина и судьба», выявляя смысловое многообразие этого концепта, обосновывает доминирующую позицию судьбы над понятиями «рок», «фатум», «фортуна» [1]. По сравнению с ними судьба линейна, подобно жизни, и именно благодаря этому качеству она обладает текстообразующим потенциалом.

В восточных культурах, связанных с традициями арабско-мусульманского Востока, представление о судьбе, сама этимология этого слова, имеет иное содержание, нежели то, которое сложилась в индоевропейских языках. Концепт судьбы здесь тесно связан с Богом, Творцом; на Востоке судьбу определяли словом *kaḍā'*, которое означает божественное предопределение. Как мы видим, Аллах в восточном сознании заменяет судьбу, утверждая свою волю во всем . «В этом , – как считает М.Пиотровский, – отличие воли Аллаха от слепой и недоброй судьбы (дахр, *mānīya*), которую он заменил в душах и умах людей» [8, с. 95].

В своей работе мы исходим из представления о том, что идея судьбы, пронизывающая все творчество Лермонтова, во многом соотносима с теми взглядами на судьбу, которые сложились на мусульманском Востоке в целом, формируя черты восточного мироощущения поэта. Онтологически Лермонтов был близок и Востоку, и эта близость происходила, в первую очередь, из взглядов на судьбу.

Вначале рассмотрим те стороны концепта судьбы в поэзии Лермонтова, которые определяют его основное содержание.

1. Судьба – обманщица, она коварна и мстительна, судьба способна нарушить задуманные планы и замыслы человека («В альбом Д. Ивановой», «1831 июня 11 дня», «Отрывок», «Кавказ», «Ангел смерти. Восточная повесть»). Интересно отметить, что в поэзии Лермонтова судьба часто противостоит *душе*, она антиномна ей. Если душа представляет собой продолжение самого человека, то судьба противостоит душе, нанося удар по самым глубоким граням внутренней жизни героя.

2. Судьба, являя собою большую силу, возникает извне, при этом Лермонтов не связывает ее с миром Неба, лишает ее идеи Бога и божественного происхождения. Согласно космологии Лермонтова, мир Неба порождает духовное и гармоничное начало в человеческой душе, судьба же, напротив, разрушает гармонию в душе героя, превращая жизнь в цепь испытаний, тревог, страдания. Наиболее полно данный концепт раскрывается в таких стихотворениях, как «Тучи», «Унылый колокола звон», «Песня», «Ужасная судьба отца и сына», «Стансы», «Смерть поэта», «Время сердцу быть в покое», «Послушай, быть может, когда мы покинем...», в поэмах «Ангел смерти» и «Измаил-бей».

3. Судьба *естественно* вплетена в человеческое сознание, она неотъемлемая часть повседневной жизни человека. Любовь, дружба, рождение и смерть – самые разные грани человеческого бытия отмечены печатью судьбы. Как правило, судьба вносит значительные, неожиданные и часто трагические изменения в жизнь лермонтовского героя, однако он верит, что она пощадит его и дарует ему счастье. Можно утверждать, что судьба представляет собой вполне естественную, объективно возникающую силу, которая, по мнению поэта, способна направить его героя к верным мыслям, решениям, открытиям. В судьбе заключается Высшая мудрость, которая способна спасти человека от бед («Никто моим словам не внемлет...», «Н.Н. Арсеньеву»).

Пусть покровительство судьбины

Повсюду будет над тобой,

Чтоб ум твой не вскружили вины

И взор красавицы младой; («Н. Н. Арсеньеву»). [5, с. 227].

Необходимо отметить, что выделенные выше аспекты концепта «судьба» в поэзии Лермонтова вполне соотносятся с теми представлениями о ней, которые сложились в философии и литературе арабо-мусульманского Востока. Мы полагаем, что основы художественного мышления Лермонтова граничили с главными концептами культуры Востока, среди которых центральное место занимал концепт судьбы. Именно в этом, большом внимании к судьбе, естественно вплетенной в человеческую жизнь, Лермонтов похож на Восток, отражая в своем творчестве самые разные грани восточного сознания.

Так, мотив жестокости судьбы, представление о том, что судьба способна проявлять коварство по отношению к человеку, является устойчивым мотивом во многих литературах, связанных с традициями Востока. Несомненно, наиболее ярко он нашел отражение в арабской и персидской литературе в средние века, которая полнее всего иллюстрировала идеи Корана, раскрывая сущность исламского мировосприятия в целом.

Известно, что поэт на арабо-мусульманском Востоке, так же, как западный поэт, хранил в своем сердце желания, мечты, стремление к свободе, однако представление о последнем приобретало здесь совершенно иное содержание. Л. Масиньон в своей работе «Методы художественного выражения у мусульманских народов» писал по этому поводу следующее: «[восточный] поэт избегает покорности судьбе ради мечты о некоей свободе, почти божественной, но *не пытается ею воспользоваться*, когда она ему ниспослана, если так можно выразиться» [7, с. 59]. Таким образом, мотив судьбы в сознании восточного поэта почти всегда приобретает характер заданности, предопределенности: судьба, Рок – это то, что объективно входит в человеческое бытие и возникает по воле Бога. При этом

представление о том, что человек может пасть жертвой судьбы и оказаться во власти Промысла (кадар) достаточно хорошо разработано в теологических и суфийских концепциях. К примеру, часто возникающей образ Садовника в восточной поэзии (Низами, Хайям, Саади) и изобразительном искусстве (искусстве миниатюры) олицетворял собой идею быстротечности времени и коварства судьбы [11, с. 91-110].

Идея покорности судьбе, идущей от воли Творца, разрабатывалась и в татарской поэзии начала XX века. Однако здесь она также приобрела иное содержание, связанное с размышлениями не о личной судьбе поэта, а о судьбе всего татарского народа, нации целом. В частности, именно в такой интерпретации представление о судьбе находит отражение в лирике Г. Тукая («Тээссер» – «Впечатление», «Яшьләр» – «Молодежь», «Өзелгән өмид» – «Разбитая надежда»), Дердеменда («Кораб» – «Корабль», «Бүзләрем мана алмадым» – «Я не соткал белой ткани») и т.п.

Вместе с тем следует видеть и различие между тем толкованием судьбы, которое характерно для восточного сознания и того содержания, которое развивается в поэзии Лермонтова. Речь идет о том, что судьба, а также иные ее вариации – рок, фатум, предопределение – почти полностью лишаются у Лермонтова божественного происхождения. Поэт словно «освобождает» судьбу от вмешательства Бога, Творца, видя в ней силу, которая происходит не по воле человека или Бога, т.к. судьба – объективная составляющая человеческого бытия, она естественным образом вплетена в жизнь. Судьба, а также рок, фатум, согласно убеждениям Лермонтова, не связаны с миром Неба: Небо в космологии поэта наполнено духовным, гармоничным содержанием, это мир света, гармонии, счастья, судьба же разрушает эту гармонию.

Лермонтов как поэт иного, не восточного происхождения, стремится испытать судьбу, преодолеть ее воздействие на мечты и стремления. Такая черта мировосприятия и мышления поэта позволяет утверждать, что в вопросах толкования судьбы Лермонтов видится более западным автором,

противопоставляющим себя и свою волю испытаниям судьбы. Судьба в интерпретации Лермонтова предстает как большая сила, превосходящая во многом возможности героя, вместе с тем он включается в борьбу с ней. Наиболее ярко такая черта лермонтовского героя раскрывается в стихотворениях «1831 июня 11 дня», «Унылый колокола звон», «К другу» и многих других. Так, в стихотворении «К другу» лирический герой утверждает свою волю в борьбе с судьбой, которая разлучила его с возлюбленной, он хранит в своем сердце месть:

Но я ношу отказ и месть с собою;

Но я в любви моей закоренел [5, с. 31].

Таким образом, в поэзии Лермонтова развивается тот тип мышления героя, в котором обнаруживается особый диалог между традициями Запада и Востока. Представление о судьбе как важнейшей составляющей человеческого бытия своеобразно сочетается здесь с протестом против нее. Именно эта черта художественного мышления поэта отразила, с одной стороны, онтологическую близость Лермонтова к Востоку, но, с другой, выделила его из ключевых понятий и концептов восточного миропонимания и культуры.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур / Науч. совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 1994. – С.302-315.
2. Гальцева Р.А. Мотивы //Лермонтовская энциклопедия. – М.: Сов. энц-ия, 1981. – С.311-312.
3. Коновалова А.Е. Тема Рока в кавказских поэмах Лермонтова // Литературоведческий журнал. – 2006. – № 20. – С.16-25.
4. Красикова Е. Концепт «Судьба» в космологии М.Лермонтова // Вестник Московского ун-та. Серия 9. Филология. 2004. – №5. – С.104-112.
5. Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 2-х т. – М.: Правда, 1988. – Т.1. - 719 с.

6. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1988. – С.218-234.
7. Масиньон Л. Методы художественного выражения у мусульманских народов //Арабская средневековая культура и литература: Сб.ст. заруб. авторов. – М.: Наука, 1978. – С.59.
8. Пиотровский М.Б. Ислам и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур / Науч. совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 1994. – С.92-97.
9. Степанов М. Религия русских писателей (Религия М.Ю.Лермонтова) // Филологические записки. Выпуск II. Воронеж: Типо-литография Губерн. Правления, 1915. – С.158-186.
10. Уляшев П. Загадка гения (М.Ю. Лермонтов). – М.: Знание, 1989. – 64 с.
11. Шукуров Ш. «Охота за смыслом» в искусстве Ирана //Сад одного цветка: Сб. ст. и эссе. – М.: Наука, 1991. – С.91-110.
12. Яворская Г.М. О семантических параллелях в индоевропейских наименованиях судьбы // Понятие судьбы в контексте разных культур / Науч. совет по истории мировой культуры. – М.: Наука, 1994. – С.116-121.